

**Агата Кристи**

**Щелкни пальцем только раз**

**Книга первая**

**«СОЛНЕЧНЫЕ ГОРЫ»**

# Глава 1

## ТЕТУШКА АДА

Мистер и миссис Бересфорд сидели за завтраком. Это были самые обычные супруги. Сотни пожилых супружеских пар, подобных им, завтракали в эту минуту в Англии. И день был совсем обычный – из каждых семи дней таких бывает не меньше пяти. Как будто бы собирался дождь, но уверенности в этом не было.

Волосы мистера Бересфорда были когда-то рыжими. Воспоминания об этом еще оставались, но в основном его шевелюра приобрела песочный оттенок с примесью седины – обычная участь всех рыжих. Миссис Бересфорд некогда была брюнеткой с целой копной черных кудрей. А теперь черные пряди естественным образом перемежались с седыми, создавая довольно приятный эффект. Миссис Бересфорд хотела в свое время покрасить волосы, но потом передумала, решив, что больше нравится себе такой, какой ее создала природа. Вместо этого она в утешение себе сменила цвет помады на более яркий.

Пожилая супружеская пара за завтраком. Приятные люди, но такие обыкновенные, ничего в них особенного. Так сказал бы любой человек, посмотрев на них. А если бы это был молодой человек или молодая девушка, они бы добавили: «О, конечно, очень приятные люди, но, как все старики, смертельно скучные».

Мистер и миссис Бересфорд, однако, не считали себя достигшими такого возраста, чтобы называться стариками. Они не подозревали, что их, как и многих других, относят лишь по одной этой причине к категории смертельно скучных людей. Разумеется, так думали только молодые, но ведь молодежь, снисходительно ответили бы пожилые супруги, ничего не понимает в жизни. Они постоянно волнуются из-за экзаменов, бедняжки, озабочены сексом, покупают какие-то немыслимые наряды или делают себе немыслимые прически, только чтобы их заметили. Мистер и миссис

Бересфорд, как они сами считали, только-только достигли поры расцвета. Они были довольны собой, нравились друг другу и проводили свои дни покойно и счастливо.

Были, конечно, и у них свои неприятности, у кого их нет? Мистер Бересфорд распечатал письмо, проглядел его и отложил налево, прибавив к небольшой пачке, которая там уже лежала. Он взял следующее, но почему-то застыл с ним в руке. И взгляд его был устремлен не на письмо, а на подставку для тостов. Жена некоторое время смотрела на него, прежде чем заговорить.

– Что случилось, Томми?

– Случилось? – рассеянно повторил Томми.

– Именно это я и сказала, – подтвердила миссис Бересфорд.

– Ничего не случилось, – возразил мистер Бересфорд. – С чего ты взяла?

– Ты о чем-то задумался, – с упреком заметила Таппенс.

– Мне кажется, я ни о чем особенном не думал.

– Нет, думал. Что-нибудь случилось?

– Нет, конечно, ничего. Да и что могло случиться? – добавил он. – Получил счет от водопроводчика.

– Ах вот в чем дело! И этот счет, – догадалась Таппенс, – вероятно, значительно больше, чем ты предполагал.

– Естественно, – ответил Томми, – иначе и быть не может.

– Непонятно, почему мы не сделали водопроводчиками, – сказала Таппенс. – Если бы ты в свое время овладел этим ремеслом, а я пошла бы к тебе в подмастерья, мы бы купались в деньгах.

– Весьма недальновидно было с нашей стороны упустить такую возможность.

- А теперь ты снова смотришь на его счет?
- О нет, это просто просьба о пожертвовании.
- Неблагополучные подростки? Или расовая дискриминация?
- Да нет, организуют очередной приют для стариков.
- Ну что же, это гораздо более разумно, – сказала Таппенс, – но я не понимаю, почему у тебя такой обеспокоенный вид, когда ты смотришь на это письмо.
- Ах, я совсем о нем не думал.
- Тогда о **чем** же?
- Просто, глядя на него, я вспомнил... – пробормотал мистер Бересфорд.
- О чем же? – спросила Таппенс. – Ты же знаешь, что все равно мне скажешь.
- Да в общем-то ничего важного. Я только подумал, что, может быть... словом, вспомнил о тетушке Аде.
- А-а, тогда ясно, – с пониманием протянула Таппенс. – Да... – задумчиво добавила она. – Тетушка Ада.

Их взгляды встретились. К сожалению, это правда, что в наши дни почти в каждой семье есть своя тетушка Ада. Имя может быть любое – тетя Амелия, тетушка Сьюзен, тетушка Кейзи, тетушка Джоана. Это может быть бабушка, престарелая кузина или даже двоюродная бабушка. Они существуют и представляют собой проблему, требующую разрешения. Их нужно куда-то пристраивать. Найти соответствующее учреждение, осмотреть его, задать кучу всевозможных вопросов. Нужно разузнавать у врачей, друзей и родственников, у них есть своя тетя Ада, которая была совершенно счастлива до самой своей смерти в «Лаврах», что в Бексхилле, или в «Счастливых лугах» в Скарборо.

Прошли те времена, когда тетушка Элизабет, тетушка Ада и все прочие продолжали жить в своем доме, в котором жили до того много лет, под

присмотром преданных, хотя порой и деспотичных, старых слуг. Обе стороны были вполне счастливы таким положением вещей. Кроме того, существовали бесконечные бедные родственницы – нуждающиеся племянницы, не вполне нормальные незамужние кузины, мечтающие жить в хорошем доме, три раза в день сытно есть-пить и спать в мягкой постели. Спрос и предложение взаимно удовлетворялись, и все были счастливы. А теперь времена изменились.

Решить проблему современной тетушки Ады значительно сложнее. И не только потому, что она может страдать артритом и то и дело падает с лестницы, если живет в доме одна; или ее терзает хронический бронхит; или она постоянно ссорится с соседями и оскорбляет продавцов в лавках.

К сожалению, тетушки Ады доставляют гораздо больше хлопот, чем представители противоположной возрастной группы. Ребенка можно отдать в приют, можно кинуть его на родственников, приискать ему подходящую школу и держать там даже во время каникул, устроить в лагерь или в школу верховой езды, причем, куда бы вы ребенка ни определили, он, как правило, очень редко против этого возражает. А вот тетушки Ады – дело совсем другое. У Таппенс Бересфорд была собственная тетушка Примроуз, вернее, двоюродная бабушка – удивительно беспокойная особа. Ей невозможно было угодить. Стоило поместить ее в какое-нибудь заведение, которое гарантировало престарелым дамам уютный дом со всевозможными удобствами, как она, написав предварительно племяннице несколько благодарственных писем, в которых превозносилось это заведение, с возмущением его покидала, даже ни о чем не предупредив. «Они невыносимы. Я не могу там оставаться ни минутой дольше».

В течение одного года тетушка Примроуз побывала в одиннадцати таких заведениях и наконец однажды сообщила племяннице, что встретила очаровательного молодого человека. «Такой преданный мальчик. Он лишился матери в детском возрасте и так нуждается в заботе. Я сняла квартиру, и он будет жить вместе со мной. Нам обоим будет так хорошо. Мы совершенно родственные души. Ты можешь больше ни о чем не беспокоиться, дорогая Пруденс, мое будущее определилось. Завтра я встречаюсь со своим поверенным – нужно же как-то обеспечить Мервина на тот случай, если я умру раньше его, что, впрочем, было бы так естественно, хотя, уверяю тебя, сейчас я чувствую себя просто

великолепно».

Таппенс помчалась на Север (все это происходило в Абердине). Однако случилось так, что полиция прибыла туда раньше ее и выдворила душку Мервина, который уже довольно давно разыскивался по обвинению в вымогательстве. Тетушка Примроуз была исполнена негодования, объявила это несправедливым преследованием, однако, побывав в суде (там разбирались еще двадцать пять подобных афер Мервина), была вынуждена изменить мнение о своем протеже.

– Я считаю, что мне нужно навестить тетушку Аду, Таппенс, – сказал Томми. – Я уже давно у нее не был.

– Наверное, ты прав, – согласилась Таппенс без всякого энтузиазма. – А сколько прошло времени?

Томми подумал.

– Наверное, уже почти год.

– Гораздо больше. По-моему, гораздо больше года.

– Боже мой! Как быстро летит время, верно? Не могу поверить, что это было так давно. Но ты права, Таппенс. – Он подсчитал. – Просто ужасно, как быстро забываются такие вещи. Мне, право, очень стыдно.

– По-моему, ты напрасно себя коришь. Ведь мы посылаем ей подарки, пишем письма.

– Да, конечно. Очень мило с твоей стороны, Таппенс, что ты это делаешь. Но все равно иногда, в особенности когда читаешь о подобных вещах, делается очень неловко.

– Ты имеешь в виду эту ужасную книгу, которую мы брали в библиотеке? – спросила Таппенс. – О том, как скверно жилось бедным старушкам, как они страдали.

– Но это, наверное, правда? Ведь это взято из жизни?

– О, конечно, – согласилась Таппенс. – Такие заведения существуют. И

некоторые люди действительно страшно несчастны, они просто обречены страдать. Но что можно с этим поделать, Томми?

– Нужно хотя бы как можно тщательнее выбирать соответствующее заведение, все о нем разузнать, нужно постараться, чтобы за человеком наблюдал хороший врач.

– Согласись, трудно найти врача лучше, чем доктор Меррей.

– Да, – признал Томми, и лицо его просветлело. – Меррей первоклассный врач. Добрый, терпеливый. Если бы что-нибудь случилось, он бы непременно нам сообщил.

– Вот мне и кажется, что тебе не следует волноваться. Сколько ей теперь лет?

– Восемьдесят два. Нет-нет, кажется, восемьдесят три. Это ужасно – пережить всех на свете.

– Это **нам** так кажется. **Они** так не думают.

– Ну, этого знать нельзя.

– А вот твоя тетушка Ада прекрасно знает. Разве ты не помнишь, с каким злорадством она рассказывала, скольких своих приятельниц пережила? А кончила она так: «Что до Эми Морган, то я слышала, что она и полугода не протянет. А сама всегда говорила, что я такая слабая и хрупкая. И вот теперь почти наверняка можно сказать, что я ее переживу. И к тому же на много лет». С каким торжеством она это произнесла!

– Все равно.

– Я понимаю, понимаю. Ты все равно считаешь своим долгом поехать и навестить ее.

– А разве я не прав?

– К сожалению, я полагаю, что ты прав. Абсолютно прав. И я тоже поеду с тобой, – добавила она, гордясь своим героизмом.



– А тебе зачем ехать? Она же не твоя тетушка. Нет, я поеду один.

– А вот и нет. Я тоже люблю страдать. Будем страдать вместе. Я делаю это без всякого удовольствия, ты – тоже. Что до тетушки Ады, она-то уж наверняка никакого удовольствия от этого не получит. Но я понимаю, что такие вещи делать необходимо.

– Нет, я не хочу, чтобы ты ездила. Ведь помнишь, в прошлый раз она была с тобой ужасно груба.

– О, я отнеслась к этому совершенно спокойно. Мне кажется, только этот эпизод и доставил бедной старушке некоторое удовольствие. Пусть ее, мне не жалко.

– Ты всегда была так добра к ней, несмотря на то что нисколько ее не любишь.

– Тетушку Аду любить невозможно. Мне кажется, ее никто никогда не любил.

– Но все равно нельзя не испытывать жалости к человеку, когда он так стар.

– А я вот не испытываю. У меня не такой хороший характер, как у тебя.

– Женщины обычно жестокосерднее.

– Вполне возможно. В конце концов, женщина должна быть здравомыслящей – у нее нет времени на сантименты. Я хочу сказать, что готова пожалеть человека, если он стар, или болен, или еще что-нибудь, но только при условии, что это человек приятный. Но если нет, сам признайся, тогда дело другое. Если ты противная особа в двадцать лет и ничуть не лучше в сорок, в шестьдесят становишься еще противнее, а уж в восемьдесят превращаешься в настоящую мегеру, то, право же, я не понимаю, почему нужно непременно жалеть такую только потому, что она стара. Мегера так и останется мегерой. Я знаю очаровательных старушек, которым семьдесят и даже восемьдесят. Старая миссис Бошем, Мэри Кар, бабушка нашего булочника, миссис Поплет, которая приходила к нам убирать. Все они были такие милые, и я с удовольствием помогала им, чем могла.

– Ну ладно, ладно, – сказал Томми. – Будь здравомыслящей. Однако если ты действительно собираешься проявить благородство и ехать со мной...

– Я хочу ехать с тобой, – перебила его Таппенс. – Ведь, в конце концов, я вышла за тебя замуж «на радость и на горе», а тетушка Ада принадлежит, несомненно, ко второй категории. Поэтому поедem вместе, рука об руку. Отвезем ей букет цветов, коробку конфет с мягкой начинкой и пару журналов. Можешь написать миссис – как ее там? – и сообщить, что мы прибудем.

– На будущей неделе? Я могу во вторник, – предложил Томми, – если тебе удобно.

– Пусть будет вторник, – согласилась Таппенс. – Как зовут эту женщину? Я имею в виду заведующую, смотрительницу, директрису – никак не могу запомнить, – начинается на П.

– Мисс Паккард.

– Вот-вот.

– А вдруг на этот раз все будет не так, как всегда?

– Не так? В каком смысле?

– Ну, я не знаю. Вдруг случится что-нибудь интересное.

– Например, мы можем попасть в железнодорожную катастрофу, – предположила Таппенс, оживляясь.

– С какой это стати мы попадем в катастрофу?

– Ну, я, конечно, этого не желаю. Просто...

– Просто что?

– Это же было бы приключение, разве не так? Возможно, мы могли бы спасти жизнь каким-то людям, вообще, сделать что-нибудь полезное. Полезное и в то же время интересное.

– Ничего себе пожелание, – сказал мистер Бересфорд.

– Понимаю, – согласилась Таппенс. – Просто мне иногда приходят в голову разные идеи.

## Глава 2

### «ЭТО БЫЛ ВАШ РЕБЕНОЧЕК?»

Откуда взялось название «Солнечные горы», понять довольно трудно. Во всей округе нет ничего хотя бы отдаленно напоминающего горы. Местность абсолютно ровная, что, разумеется, гораздо удобнее для престарелых обитателей этого дома. При доме был обширный, хотя и ничем не примечательный сад. Само здание, большой викторианский особняк, находилось в отличном состоянии. Возле него росло несколько больших тенистых деревьев, одну стену сплошь покрывал виргинский плющ, а две чилийские араукарии придавали общему виду дома экзотический характер. В саду стояли скамейки, размещенные таким образом, чтобы можно было посидеть на солнышке, два-три садовых кресла и крытая веранда, на которой старушки могли проводить время, не опасаясь восточного ветра.

Томми позвонил у парадной двери, и их с Таппенс встретила молодая женщина в форменном нейлоновом халатике, слегка запыхавшаяся и встревоженная. Она проводила их в небольшую гостиную и сказала озабоченно:

– Я доложу мисс Паккард. Она вас ожидает и через минуту спустится сюда. Ничего, что вам придется немного подождать? Дело в том, что миссис Кэрреуэй... Она взяла наперсток и проглотила его. И это уже не в первый раз.

– Как же она ухитрилась это сделать и зачем? – с удивлением спросила Таппенс.

– Просто из озорства, – коротко отвечала служанка. – Она постоянно это делает.

Девушка удалилась, а Таппенс села в кресло и задумчиво проговорила:

– Мне, я думаю, не доставило бы никакого удовольствия глотать наперстки. Это, должно быть, больно, когда он спускается в желудок. Как ты думаешь?

Им не пришлось особенно долго ждать, скоро явилась мисс Паккард, принося свои извинения. Это была крупная женщина лет около пятидесяти, с рыжеватыми волосами, спокойная и деловитая, что так нравилось Томми.

– Простите, что заставила вас ждать, мистер Бересфорд, – сказала она. – Миссис Бересфорд, как мило, что вы тоже приехали.

– Я слышал, что кто-то что-то проглотил, – сказал Томми.

– О, значит, Марлин вам уже сказала? Да, это старая миссис Кэрреуэй. Она постоянно глотает разные предметы. С этими старушками так трудно, никак невозможно за всеми уследить. Понятно, что такое иногда случается с детьми, но, когда речь идет о старой женщине, это довольно странно, вы не находите? А она с каждым годом делается все хуже и хуже. Единственное для нас утешение, что это не приносит ей особого вреда.

– Возможно, ее отец был шпагоглотателем? – высказала предположение Таппенс.

– Ах, какая интересная мысль, миссис Бересфорд. Возможно, это **могло бы** объяснить подобное поведение. Я сообщила мисс Фэншо, что вы должны приехать, – продолжала она. – Только я не вполне уверена, что она поняла. Иногда у нее это не получается.

– Как она теперь себя чувствует?

– Боюсь, что она сдает, причем довольно быстро, – сообщила мисс Паккард ровным тоном. – Никогда нельзя разобрать, что она поняла, а что нет. Вчера я сказала ей о том, что вы приедете, а она ответила, что я ошибаюсь, поскольку сейчас не каникулярное время. Она, по-видимому, думает, что вы все еще учитесь в школе. У них, у бедняжечек, путаница в голове, особенно когда дело касается времени. А вот сегодня, когда я напомнила ей о вашем визите, она заявила, что это совершенно невозможно, поскольку вы давно умерли. Но я надеюсь, – бодро добавила мисс Паккард, – что она узнает вас, когда увидит.

– Как ее здоровье? В основном по-прежнему?

– Ну, насколько можно ожидать. Честно говоря, я думаю, что она долго не протянет. Она ни от чего особенно не страдает, однако состояние ее сердца оставляет желать лучшего. Оно значительно ухудшилось. Поэтому мне кажется, что вас необходимо предупредить, чтобы известие о ее кончине не было для вас шоком.

– Мы принесли ей цветы, – сказала Таппенс.

– И коробку конфет, – добавил Томми.

– Как это мило с вашей стороны. Она будет очень довольна. Не хотите ли теперь пройти наверх?

Томми и Таппенс встали и вышли из комнаты вслед за мисс Паккард. Она повела их к широкой лестнице. Когда они проходили мимо одной из комнат, выходящих в коридор, дверь внезапно отворилась, и оттуда вышла крохотная старушка ростом всего в пять футов, крича громким пронзительным голосом:

– Я хочу какао! Дайте мне мое какао! Где сестра Джейн? Мне пора пить какао.

Из соседней комнаты выскочила женщина в форменном платье.

– Успокойтесь, дорогая, – заворковала она. – Вы только что выпили свое какао. Всего двадцать минут назад.

– Ничего подобного, сестра. Это неправда. Я не пила какао, и мне хочется пить.

– Ну что же, выпьете еще чашечку, если вам хочется.

– Как я могу выпить еще чашечку, когда я вообще его не пила?

Они прошли мимо, и мисс Паккард, постучав в дверь в конце коридора, вошла внутрь.

– Ну, вот и мы, мисс Фэншо, – весело проговорила она. – К вам пришел ваш племянник. Это так мило, не правда ли?

На кровати возле окна лежала на высоко поднятых подушках старая дама. Она резко приподнялась. У дамы были седые волосы, нос с горбинкой и выражение крайнего неудовольствия на худом морщинистом лице. Томми подошел к кровати.

– Здравствуйте, тетушка Ада. Как вы поживаете?

Тетушка Ада не обратила на него ни малейшего внимания, она сердито обратилась к мисс Паккард.

– Не понимаю, что вы себе позволяете, – заявила она. – Приводите мужчину в комнату женщины. В дни моей молодости это сочли бы неприличным! Да еще говорите, что он мой племянник! Кто это такой? Водопроводчик или монтер?

– Полно, полно, так не годится, – мягко уговаривала ее мисс Паккард.

– Я ваш племянник, Томас Бересфорд, – сказал Томми. Он протянул коробку. – Я принес вам конфеты.

– Вы меня не проведете, – заявила тетушка Ада. – Знаю я вас таких. Можете говорить что хотите. А кто эта женщина? – Она с неприязнью посмотрела на миссис Бересфорд.

– Я Пруденс![\[1\]](#) – представилась миссис Бересфорд. – Ваша племянница Пруденс.

– Какое нелепое имя, – возмутилась тетушка Ада. – Совсем как у горничной. У моего двоюродного деда была горничная по имени Комфорт и еще одна служанка, которую звали Реджойс[\[2\]](#). Она была из методистов. Но моя двоюродная бабушка скоро положила этому конец. Сказала, что, пока она находится в ее доме, ее будут называть Ребекка.

– Я принесла вам цветы. Это розы, – сообщила Таппенс.

– Не признаю никаких цветов в комнате больного человека. Они поглощают кислород.

– Я поставлю их в вазу, – предложила мисс Паккард.

– Ничего подобного вы не сделаете. Пора бы усвоить, что я еще в своем уме.

– Вы в отличной форме, тетушка Ада, – вмешался мистер Бересфорд. – Полны боевого задора.

– Я вас сразу раскусила. С чего это вы взяли, что вы мой племянник? Как, вы говорите, вас зовут? Томас?

– Да. Томас, или Томми.

– Никогда о таком не слышала, – отрезала тетушка Ада. – У меня был только один племянник, и его звали Уильям. Он был убит в прошлой войне. И слава богу. Если бы его не убили, он бы плохо кончил. Я устала, – заключила тетушка Ада, откидываясь на подушки, и добавила, обращаясь к мисс Паккард: – Уведите их прочь. Зачем только вы приводите ко мне посторонних людей!

– Мне казалось, что вам будет приятно видеть родных, – как ни в чем не бывало ответила мисс Паккард.

Тетушка Ада хмыкнула глубоким басом, не скрывая своего сарказма.

– Все в порядке, – бодрым тоном сказала Таппенс. – Мы приедем снова. Розы я оставляю. Вы, может быть, передумаете. Пойдем, Томми. – Таппенс повернулась к двери.

– До свидания, тетушка Ада. Мне очень жаль, что вы меня не вспомнили.

Тетушка Ада молчала, пока Таппенс не вышла из комнаты вместе с мисс Паккард. Томми шел за ними следом.

– А **ты** вернись, – громко приказала она. – Я тебя прекрасно знаю. Ты Томас. Раньше ты был рыжим. Морковка! Вот какого цвета у тебя были волосы. Вернись. Я хочу с тобой поговорить. А женщина эта мне не нужна. С чего это она вообразила, что она твоя жена? Я-то знаю. Разве можно приводить сюда таких женщин? Подойди сюда, сядь в кресло и расскажи мне о своей дорогой мамочке. А вы идите прочь, – добавила тетушка, махнув рукой в сторону Таппенс, которая в нерешительности остановилась на пороге.



Таппенс поспешила удалиться.

– С ней иногда такое случается, – невозмутимо заметила мисс Паккард, когда они спускались по лестнице. – А в другое время – в это трудно поверить – с ней даже приятно иметь дело.

Томми сел в указанное тетушкой Адой кресло и робко заметил, что не может особенно много сказать о матери, поскольку она умерла лет сорок назад. Тетушка отнеслась к этому известию совершенно равнодушно.

– Подумать только, – сказала она. – Неужели так давно? Ну что же, время летит быстро. – Она внимательно оглядела его. – Почему ты не женишься? Надо найти какую-нибудь женщину, хорошую хозяйку, которая станет о тебе заботиться. Ты ведь уже не молод. Это избавит тебя от всяких распутных баб вроде той, что ты привел с собой, уверяя, что она твоя жена.

– В следующий раз, когда мы к вам поедем, я попрошу Таппенс захватить свидетельство о браке.

– Ах вот как! Ты сделал ее честной женщиной? – удивилась тетушка Ада.

– Мы женаты уже тридцать лет, – сообщил Томми. – У нас есть сын и дочь, у обоих уже свои семьи.

– Все дело в том, – ловко нашлась тетушка, – что мне никто ничего не рассказывает. Если бы ты держал меня в курсе...

Томми не стал с ней спорить. Таппенс раз и навсегда запретила ему это делать. «Если кто-нибудь из стариков – из тех, кто старше шестидесяти пяти лет, – станет тебя в чем-нибудь обвинять, – наставляла она его, – ни в коем случае не спорь. Не пытайся утверждать, что ты прав. Сразу же извиняйся, скажи, что виноват, каешься и больше никогда ничего подобного не повторится».

В этот момент он подумал, что именно такой тактики следует придерживаться с тетушкой Адой, как, впрочем, следовало делать всю жизнь.

– Простите меня, пожалуйста, тетушка Ада, – торжественно произнес он. – К сожалению, с возрастом становишься забывчивым. Ведь не у каждого, –

добавил он, даже не покраснев, – такая великолепная память, как у вас, не всякий помнит все, что было в прошлом.

Тетушка Ада самодовольно ухмыльнулась. Именно так и только так можно было назвать ее гримасу.

– Здесь ты, пожалуй, прав, – снизошла она. – Я приняла тебя довольно грубо, ты уж меня прости, но я терпеть не могу, когда мне кого-то навязывают. В этом доме к тебе могут привести кого угодно. Кого хотят, того и приводят. Если бы я соглашалась и признавала их теми, за кого они себя выдают, меня бы запросто могли убить в моей постели.

– О, вряд ли такое возможно, – возразил Томми.

– Откуда нам знать, – настаивала тетушка. – И в газетах об этом пишут, и люди приходят и рассказывают. Не то чтобы я верила всему, что говорят. Но все равно я держу ухо востро. Ты не поверишь, недавно ко мне привели совершенно незнакомого человека – я никогда его раньше не видела. Он назвался доктором Уильямсом. Сказал, что доктор Меррей уехал в отпуск, а он – его новый коллега, они, дескать, вместе работают. Откуда мне знать, коллега он или нет? Ведь это только он так говорит.

– И это действительно был новый коллега доктора?

– Да, – вынуждена была признать тетушка Ада, – так и оказалось, хотя никто не мог знать этого наверняка. А он приехал на машине, в руках такая черная коробочка – доктора измеряют ею кровяное давление – и все такое прочее. Совсем как та волшебная шкатулка, о которой было столько разговоров. Кто это был, Джоана Саутскот?

– Нет, – ответил Томми. – По-моему, это было что-то совсем другое. Связанное с предсказанием.

– Ах так, понимаю. Ведь я что хочу сказать: любой человек может явиться в такой дом, как этот, и все сестры тут же начинают улыбаться, хихикать и говорить: «Да, доктор, разумеется, доктор». Только что не становятся по стойке «смирно», дурочки такие! А если пациентка скажет, что его не знает, ее будут уверять, что она ничего не помнит и просто его забыла. А у меня всегда была отличная память на лица, – твердо заявила тетушка Ада. – Как поживает твоя тетушка Каролина? Я давно о ней ничего не слышала. Когда

ты ее видел?

Томми ответил извиняющимся тоном, что тетя Каролина умерла пятнадцать лет назад. Тетушка Ада восприняла это горестное известие без тени сожаления. В конце концов, тетя Каролина приходилась ей даже не сестрой, а просто дальней кузиной.

– Все почему-то помирают, – проговорила она с явным удовольствием. – Никудышное здоровье, вот в чем их беда. Сердечная недостаточность, тромбозы, повышенное давление, хронические бронхиты, артриты и все такое прочее. Хилые все, как один. На них-то доктора и зарабатывают. Прописывают таблетки – целыми коробками, целыми флаконами. Желтые таблетки, розовые, зеленые – я бы не удивилась, если бы оказались даже черные. Сера и патока – вот чем лечили во времена моей бабушки. Уверена, это не хуже, чем все другое прочее. Если приходится выбирать: пить серу и патоку или никогда не поправиться, каждый, разумеется, выберет серу и патоку. – Она с довольным видом покачала головой. – Разве можно верить докторам? Особенно когда речь идет о каких-то новомодных поветриях в медицине. Говорят, здесь постоянно отравляют людей, и делается это для того, чтобы снабжать хирургов сердцами. Я, правда, не верю. Мисс Паккард не такая женщина, чтобы допустить подобные вещи в своем заведении.

Внизу мисс Паккард, всем своим видом выражая глубочайшее сожаление, указала на комнату рядом с холлом.

– Прошу прощения за то, что произошло, миссис Бересфорд, но я надеюсь, вы понимаете, как обстоит дело с этими стариками. Постоянно разные фантазии – кого-то любят, кого-то без всякой причины невзлюбят. И ничем их не убедить.

– Это, наверное, очень трудно – заведовать таким домом, – заметила Таппенс.

– Да нет, не слишком, – отозвалась мисс Паккард. – Мне это нравится. Я действительно люблю своих пациентов. Поневоле привязываешься к людям, за которыми приходится ухаживать. Есть у них, конечно, свои странности, но ладить с ними в общем нетрудно, нужно только знать как.

Таппенс подумала, что мисс Паккард наверняка известно, как именно это

следует делать.

– Они ведь, в сущности, совсем как дети, – снисходительно продолжала мисс Паккард. – Правда, в поведении детей больше логики, поэтому с ними труднее. А у этих логика отсутствует, и их нужно только утешать, говоря им то, что они желали бы услышать. Тогда они на какое-то время успокаиваются. У меня прекрасный штат. Отличные работники, терпеливые, спокойные, не слишком умные, потому что умный человек не всегда может выдержать, он легко раздражается. Да, мисс Донован, в чем дело? – Она обернулась к молодой женщине в пенсне, которая торопливо спускалась по лестнице.

– Это снова миссис Локет, мисс Паккард. Она говорит, что умирает, и требует, чтобы немедленно пришел доктор.

– Ах вот что, – невозмутимо проговорила мисс Паккард, – от чего она на этот раз умирает?

– Она говорит, что вчера в супе были грибы, что среди них, вероятно, были ядовитые и она отравилась.

– Это что-то новенькое, – сказала мисс Паккард. – Придется пойти и поговорить с ней. Жаль с вами расставаться, миссис Бересфорд. В этой комнате вы найдете журналы и газеты.

– О, обо мне не беспокойтесь, – ответила Таппенс.

Она прошла в указанную ей комнату, уютную и светлую. Широкие стеклянные двери вели из нее в сад. В комнате стояли кресла, на столах – вазы с цветами. На книжной полке, что висела на стене, лежали вперемешку новейшие романы и книги о путешествиях, а также те особенно любимые романы, которые обитательницы этого дома, возможно, с удовольствием перечитывали вновь и вновь. Журналы Таппенс увидела на низком столике.

В этот момент из всех кресел, стоящих в комнате, было занято только одно. В нем сидела старушка с гладко зачесанными седыми волосами, держа в руке стакан молока, на который она внимательно смотрела. У нее было миловидное лицо со свежим румянцем, и она дружелюбно улыбалась Таппенс.

– Доброе утро, – поздоровалась старушка. – Вы будете здесь жить или приехали в гости?

– Я приехала с визитом, – ответила Таппенс. – У меня здесь тетушка. Сейчас у нее мой муж. Мы подумали, что не стоит заходить двоим одновременно.

– Как это мило, что вы подумали об этом, – одобрительно заметила старушка. Она попробовала молоко. – Кажется... нет-нет, все в порядке. Может быть, вы хотели бы что-нибудь выпить? Чаю или кофе? Позвольте, я позвоню. Они здесь очень любезны.

– Нет, благодарю вас, – сказала Таппенс. – Право, не нужно.

– А может быть, стакан молочка? Сегодня оно не отравлено.

– Нет-нет, спасибо. Мы здесь долго не задержимся.

– Ну, если вы так уверены... но, право же, это не причинит никакого беспокойства. Разве что вы потребуете чего-нибудь невозможного.

– Мне кажется, наша тетушка, к которой мы приехали, требует порой совершенно невозможных вещей. Ее зовут мисс Фэншо, – пояснила Таппенс.

– Ах, это мисс Фэншо, – кивнула старушка. – О да.

Таппенс заставила себя непринужденно сказать:

– Представляю, как проявляется здесь ее скверный характер. Она всегда была капризна и неуживчива.

– О да, конечно. У меня у самой была тетушка, они все такие, в особенности к старости. Но мы все любим мисс Фэншо. Она, если ей этого хочется, может сказать что-то забавное. В особенности о людях.

– Да, это действительно так. – Таппенс задумалась, представив себе тетушку Аду в этом новом свете.

– Ее суждения весьма ядовиты, – продолжала старушка. – Кстати, моя

фамилия Ланкастер. Миссис Ланкастер.

– А моя – Бересфорд, – представилась Таппенс.

– Понимаете, человек так устроен, что ему нравится, когда о других говорят плохо. Она так забавно отзывается о некоторых здешних обитателях, что невольно рассмеешься, хоть это, конечно, и дурно.

– Вы давно здесь живете?

– Уже довольно давно. Дайте вспомнить... уже семь лет, нет, восемь. Да, наверное, уже больше восьми. – Она вздохнула. – Здесь невольно забываешь о времени. И люди забываются тоже. Все мои родственники живут за границей.

– Это, должно быть, очень грустно.

– Да нет, не слишком. Я их вообще не слишком-то любила. По правде сказать, почти и не знала. Я тяжело болела, у меня была какая-то скверная болезнь, жила совершенно одна, и они решили, что мне лучше жить в таком вот доме. По-моему, мне повезло, что меня поместили сюда. Здесь все так внимательны, так обо всем заботятся. И сад красивый. Я и сама прекрасно понимаю, что мне не стоит жить одной в своем доме, потому что иногда у меня в голове все путается, я совсем ничего не соображаю. – Она постучала пальцем по лбу. – Здесь я тоже все путаю. Никогда толком не помню, что было, а чего не было.

– Мне очень жаль, – посочувствовала Таппенс. – Но всем, наверное, приходится чем-нибудь болеть, правда?

– Некоторые болезни очень мучительны. У нас здесь есть две женщины, у которых артрит. Как они страдают, бедняжки. Вот я и думаю, что ничего страшного, если ты порой что-то забываешь или путаешь, не помнишь, что произошло и когда. По крайней мере, от этого не страдаешь физически.

– Да, я считаю, что вы совершенно правы, – согласилась Таппенс.

Дверь отворилась, и вошла девушка с подносом, на котором стоял кофейник, чашка и тарелка с двумя пирожными. Она поставила перед Таппенс поднос со словами:

– Мисс Паккард подумала, что вам захочется выпить чашечку кофе.

– О, благодарю вас, – ответила Таппенс.

Когда девушка вышла, миссис Ланкастер сказала:

– Вот видите? Я же говорила, что они очень внимательны.

– Да, действительно.

Таппенс налила себе кофе и стала пить. Обе женщины некоторое время молчали. Таппенс протянула своей собеседнице тарелку с пирожными, но та отрицательно покачала головой:

– Благодарю вас, дорогая, я обычно пью молоко без всего.

Она отставила пустой стакан и откинулась на спинку кресла, полузакрыв глаза. Таппенс подумала, что в это время она, наверное, любит вздремнуть, и поэтому сидела молча. Но миссис Ланкастер вдруг выпрямилась, по-видимому проснувшись. Глаза ее открылись, она посмотрела на Таппенс.

– Я вижу, вы смотрите в камин.

– Разве? – удивилась Таппенс.

– Да. Интересно... – Она наклонилась вперед и понизила голос: – Простите, это был ваш ребенок?

– Я... мне кажется, нет.

– Мне просто было интересно. Я подумала, что вы, наверное, именно поэтому и приехали. Кто-то должен был приехать. Может быть, и приедут. А вы все время смотрели в сторону камина. Там он и спрятан. Позади камина.

– О! Неужели правда?

– Всегда в это время, – шепотом продолжала миссис Ланкастер. – Всегда в это самое время дня. – Она подняла глаза на часы, стоящие на камине. Таппенс тоже на них посмотрела. – Десять минут двенадцатого. Каждое

утро в это время. – Она вздохнула. – Люди не понимают – я рассказала им то, что знаю, но они мне не поверили.

Таппенс с облегчением увидела, что дверь отворилась и вошел Томми. Она поднялась с кресла.

– Ну вот и ты, наконец. Я готова. Всего хорошего, миссис Ланкастер, – попрощалась она, обернувшись на ходу к старушке.

– Ну, как ты тут без меня? – спросил Томми, когда они вышли в холл.

– Я ничего, а ты?

– После того как **ты** ушла, все шло гладко.

– Я, по-видимому, плохо на нее действую, верно? Но я в каком-то смысле польщена.

– Польщена?

– Ну, ты знаешь, в моем возрасте и принимая во внимание мою скучную респектабельную внешность, приятно думать, что тебя принимают за распутную женщину, обладающую такой сексуальной притягательностью.

– Дурочка! – Томми ласково ущипнул жену. – С кем это ты здесь познакомилась? – спросил он. – Довольно приятная старушенция, только, похоже, немножечко того...

– Она действительно милая. Вполне приятная старая дама. Вот только таракашки.

– Таракашки?

– Да. В голове. Она считает, что позади камина спрятан мертвый ребенок. Спросила меня, не мой ли он.

– Не очень-то приятно, – отозвался Томми. – Думаю, не у всех, кто здесь находится, все в порядке с головой, но есть, наверное, и вполне нормальные особы, которых поместили сюда только из-за возраста. При всем при том эта старушка на вид вполне безобидная.



– О да, она производит очень приятное впечатление. Вот только интересно было бы узнать, отчего у нее такие странные фантазии.

Неожиданно вновь появилась мисс Паккард:

– Всего хорошего, миссис Бересфорд. Надеюсь, вам принесли кофе?

– Да, конечно. Благодарю вас.

– Очень мило было с вашей стороны приехать сюда, – сказала мисс Паккард и, обернувшись к Томми, добавила: – Я уверена, ваш визит доставил мисс Фэншо огромное удовольствие. Жаль, что она была так груба с вашей женой.

– Мне кажется, именно это доставило ей особое удовольствие, – заметила Таппенс.

– Да, вы совершенно правы. Ей нравится досаждать людям. К сожалению, у нее это отлично получается.

– И она упражняется в этом искусстве при каждом удобном случае, – присовокупил Томми.

– Вы оба очень разумно рассуждаете, – сказала мисс Паккард.

– Эта старушка, с которой я разговаривала, – спросила Таппенс, – ее зовут, кажется, миссис Ланкастер?

– О да, миссис Ланкастер. Мы все ее очень любим.

– Она... у нее, наверное, есть некоторые странности?

– Да, ей приходят в голову разные фантазии, – снисходительно сказала мисс Паккард. – Некоторые из наших гостей выдумывают самые невероятные вещи, хотя и вполне безобидные. Воображают то, чего с ними никогда не было. С ними или с их знакомыми. Мы стараемся не обращать внимания на эти фантазии, не поощрять их. Но и не противоречим. Им нравится жить в некоем воображаемом мире, где происходит что-то необыкновенное или печальное и даже трагичное. Слава богу, у них не бывает мании преследования. Это было бы ужасно.

– Ну, – с глубоким вздохом сказал Томми, когда они садились в машину, – теперь мы свободны по крайней мере на полгода.

Однако им пришлось ехать к тетушке Аде не через полгода, а гораздо раньше – не прошло и трех недель, как она скончалась во сне.

## Глава 3

# ПОХОРОНЫ

– Грустное это дело – похороны, верно? – заметила Таппенс.

Они только что вернулись с похорон тетушки Ады; им пришлось совершить длинное и мучительное путешествие по железной дороге, поскольку тетушку Аду хоронили в маленькой деревушке в Линкольншире, где были погребены все ее предки и родственники.

– А чего ты, собственно, ожидала? – резонно возразил Томми. – Что все будут веселиться?

– Ну, иногда это случается. Например, ирландцы всегда рады поминкам. Сначала они вопят и причитают, а после пьют и просто веселятся. А не **выпить** ли и нам? – добавила она, бросив взгляд на буфет.

Томми тут же подошел к нему и принес бутылку, по его мнению соответствующую данному случаю, – «Белая леди».

– Вот так-то лучше, – сказала Таппенс.

Она сняла свою черную шляпку и швырнула ее через всю комнату, а потом освободилась и от длинного черного пальто.

– Терпеть не могу носить траур. От него всегда пахнет нафталином – ведь его держат в каких-нибудь сундуках.

– Тебе не обязательно носить траур. Достаточно того, что ты была в нем на похоронах.

– О, я это знаю. Не пройдет и минуты, как я отправлюсь наверх и переоденусь – надену красное платье, чтобы приободриться. А ты пока

нальешь мне еще порцию «Белой леди».

– Вот уж не думал, Таппенс, что похороны приведут тебя в такое праздничное настроение.

– Я же говорила, что похороны – это грустно, – через минуту сказала Таппенс, возвращаясь в гостиную в ярко-вишневом платье. На плече у нее красовалась брошка в виде ящерицы с бриллиантами и рубином. – Потому что это такие похороны, как были у тетушки Ады: только одни старики и очень мало цветов. Никакой многолюдной процессии, никто не всхлипывает и не вытирает глаза. Грустно, когда хоронят старых и одиноких, о которых никто особенно не скорбит.

– Надеюсь, эти похороны тебе было легче пережить, чем если бы это были, например, мои.

– Вот тут ты ошибаешься. Я не хочу даже думать о твоих похоронах, потому что очень надеюсь умереть раньше тебя. А уж если придется тебя хоронить, то моей скорби не будет предела и платков я изведу целую кучу.

– И непременно с черной каймой?

– О черной кайме я как-то не подумала, но идея мне нравится. Кроме того, погребальная служба такая красивая, она вызывает возвышенные чувства. Истинную печаль. Чувствуешь себя ужасно, но в то же время все это оказывает на тебя **определенное** воздействие. Вроде как пропотеть во время лихорадки.

– Послушай, Таппенс, твои рассуждения о похоронах и их действии на тебя отдают весьма дурным вкусом. Мне они не нравятся. Давай оставим эту тему.

– Согласна. Давай оставим.

– Бедная старушка скончалась, – продолжал Томми, – умерла спокойно, без страданий. Ну и пусть покоится с миром. А вот с этими бумагами мне нужно разобраться.

Он подошел к письменному столу и стал перебирать лежащие на нем бумаги.

- Куда это я задевал письмо мистера Рокбери?
- А кто этот мистер Рокбери? А, это стряпчий, который тебе писал.
- Да, в нем говорилось о ее делах, о том, что нужно привести все в порядок. Похоже, я остался ее единственным наследником.
- Жаль, что у нее нет состояния, которое она могла бы тебе завещать.
- Если бы оно у нее и было, она оставила бы его тому самому приюту для кошек. Завещанное кошкам съест все, что у нее было. На мою долю почти ничего не останется. Да мне ничего и не нужно.
- Она что, так любила кошек?
- Не знаю. Наверное. Я никогда не слышал, чтобы она о них говорила. Мне кажется, – задумчиво заметил Томми, – что ей нравилось говорить своим старым приятельницам, которые приезжали ее навестить: «Я кое-что оставила вам, милочка, в своем завещании» или «Эту брошку, которая тебе так нравится, я оставляю тебе». А по завещанию никто ничего не получил, все завещано кошачьему приюту.
- Я уверена, что она таким образом развлекалась, – сказала Таппенс. – Так и представляю себе, как она говорит это своим подружкам – или так называемым подружкам, потому что, как мне кажется, она по-настоящему никого не любила. Ей просто нравилось их напрасно обнадеживать. Настоящая старая чертовка, верно, Томми? И все– таки эта старая чертовка чем-то нам симпатична. Не так-то просто получать от жизни удовольствие, когда живешь взаперти в доме для престарелых. Нам нужно будет еще раз съездить в «Солнечные горы»?

**Конец ознакомительного фрагмента. Читать дальше:**

[Перейти](#)